

УДК 94(47).065

РУССКИЕ ПЛЕННЫЕ В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2021 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г. Москва

Статья поступила в редакцию 21.05.2021

В статье анализируются до сих пор разрозненные и редкие сведения о положении русских пленнх в прусском плену в Семилетней войне 1756-1763 гг. На основе опубликованных мемуаров и единичных архивных документов можно сделать вывод о различии в содержании пленнх офицеров и нижних чинов. Положение рядовых в плену было очень сложным – на них оказывалось давление с целью уговорить поступить в прусскую службу, они испытывали нужду в одежде и теплых помещениях, часть пленнх насильно набиралась в прусскую армию и, вопреки международным соглашениям, оставалась в ней и после завершения войны.

Ключевые слова: Семилетняя война, военнопленные.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-2-5-13

Семилетняя война 1756-1763 гг., в которой Российская империя не только приняла участие, но и играла важнейшую роль, в самой России до сих пор малоизвестна, о причинах русского участия в этой войне, целях России в ней, как минимум до недавних пор, были противоположные суждения.

Отечественная историография знает масштабный труд полковника Генерального штаба Д.М. Масловского, вышедший в 80-х гг. XIX в., посвященный всем действиям русской армии в эту войну¹. Однако остался аспект, не исследованный никем – это положение русских пленнх в прусском плену. Не так давно, благодаря наличию российских источников, В.В. Познахирев опубликовал статью об управлении прусскими пленными в России². Прусские источники, к сожалению, по большей части не дошли до нашего времени – как сообщает Д.А. Сдвижков, прусский Военный архив в Потсдаме практически весь погиб при английской бомбардировке в 1945 г.³

*Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anisimovm@list.ru*

Сам Д.А. Сдвижков в своей недавно вышедшей книге исследовал собственную архивную находку – перехваченные пруссаками письма офицеров русской армии, написанные после сражения при Цорндорфе в 1758 г. – письма оказались в архиве прусской королевской администрации и потому сохранились. Работа Д.А. Сдвижкова открыла исторической науке человеческое измерение этой войны с русской стороны. Во «Введении» к книге историк помещает отдельный параграф под названием «Плен», в котором касается обстоятельств попадания в плен после Цорндорфа как русских, так и пруссаков.

Цорндорфское сражение дало пруссакам очень много пленнх. Обстоятельства сражения сложились так, что многие русские полки потеряли какой-либо порядок, солдаты перемешались и были предоставлены самим себе. По итогам битвы, когда русская армия уже ушла, в окрестностях Цорндорфа по-прежнему бродило множество русских солдат, об этом пишут в своих воспоминаниях все оставшиеся с прусской армией участники сражения.

Но в плен во время сражения нужно было еще попасть. Фридрих II перед битвой приказал своим солдатам не брать в плен русских, стремясь обойтись с русской армией максимально жестоко, чтобы русские ужаснулись и отказались от войны с ним. Русские узнали об этом перед боем⁴. Сам король подал этому пример, приказав убить первого приведенного ему перед сражением оторвавшегося от своих русского пленного гусара⁵. Действительно, во время сражения многие пруссаки не брали пленных, убивая сдающихся на месте⁶, но тем не менее их у пруссаков было много, включая и русских генералов, хотя большая часть пленных оказалась у пруссаков уже после сражения, сдаваясь от безнадежности – как описывает это пастор Христиан Теге, взятый русским командующим В.В. Фермором как капеллан для российских офицеров-лютеран и попавший в плен во время сражения⁷. Русских раненых, оставшихся на поле боя, пруссаки не брали в плен и после битвы, убивая их на месте или закапывая живьем вместе с мертвыми⁸.

Д.А. Сдвижков в своей работе описывает и практически неизвестный в России случай попытки восстания в прусской крепости Кюстрин русских пленных, захваченных при Цорндорфе. Около 80 пленных офицеров в сентябре 1758 г. планировали возглавить около 3 тысяч пленных солдат, находившихся здесь же, в Кюстрине. Они планировали напасть на слабый гарнизон крепости (батальон ландмилиции), захватить расположенные на рыночной площади трофейные русские орудия и двинуться на соединение с австрийской или русской армиями. Заговорщиков выдал предатель накануне восстания, их лидер, курляндец лейтенант (подпоручик или поручик) по фамилии Людерс (в России должен был быть известен как Лидерс) из Казанского пехотного полка был приговорен к мучительной смерти через колесование по приказу прусского короля Фридриха II. 17 октября офицер был привезен в телеге к городу Нойдамму, и, как сообщает мест-

ный пастор, «там его заживо колесовали и привязали к колесу, на котором, прикованное цепями, истлевает его тело. От мундира у него еще остались красные панталоны с золотым гасом»⁹.

Д.А. Сдвижков выдвигает версию, что во главе пленников-заговорщиков находился генерал-поручик граф З.Г. Чернышев, бывший камер-юнкер наследника российского престола Петра Федоровича и будущий покоритель Берлина в 1760 г. Это было бы вполне логично, учитывая чин и знатность Чернышева, чем руководство 80-ю офицерами никому не известного «лейтенанта» Людерса. Казнить столь влиятельного человека пруссаки не захотели, возложив всю вину на курляндского офицера¹⁰.

Факт казни русского офицера возмутил саму императрицу. После того, как пленный прусский полковник шведский граф И.Л. Гордт был доставлен в Петербург, с ним разговаривали канцлер граф М.И. Воронцов и фаворит И.И. Шувалов. Последний обратился к Гордту: «Отчего это, милостивый государь, – сказал он самым важным тоном, – король прусский так дурно обращается с русскими пленными, а с пленными других воюющих держав обходится совершенно иначе? За что колесован был один из русских офицеров?»¹¹. Гордт раздраженно стал отвечать, что сделано это было по заслугам, так как пленные хотели перебить прусский гарнизон, наговорил много другого, и только вмешательство Воронцова прекратило разговор на повышенных тонах.

После этой попытки восстания русские пленные Цорндорфского сражения из Кюстрина были переведены в Магдебург, на запад Пруссии. Солдаты и унтер-офицеры шли пешком, за ними отправили офицеров на больших телегах с решетчатыми боками, и их ноги, как записал очевидец, «свисали со всех сторон»¹², высшие офицеры оставались в Кюстрине. В двух милях от Берлина, как сообщает тот же очевидец, русские пленные снова попытались поднять восстание, убив 8 солдат конвоя, за что было убито до 20 пленных¹³.

Остальные цорндорфские пленные по пути прошли через Берлин, где их увидел известный художник-график Д. Ходовецкий, оставивший зарисовку с натуры, изображающую измученных людей в лохмотьях, принимающих подавание берлинцев, в числе которых художник изобразил себя и свою жену¹⁴.

Одним из офицеров, попавших в плен при Цорндорфе, был поручик Шлиссельбургского полка А.И. Анненков. Его отец, курский помещик И.П. Анненков, вел дневник, в котором поместил всю переписку с попавшим в плен сыном, его дневник был опубликован в 1957 г.¹⁵ Поручик Анненков вернулся домой, будучи отпущен по специальному русско-прусскому соглашению.

Россия и Пруссия заключили соглашение («картель») о размене пленными 4 (15) октября следующего, 1759 г. Сам договор исследовал В.В. Познахирев¹⁶. За несколько месяцев его действия пруссакам было возвращено 1174 пленных, а русским пруссаки передали 1328 человек, в числе которых 2 генерал-поручика, 2 бригадира, 3 полковника, 1 майор, 9 капитанов, 15 поручиков, 51 подпоручик и прапорщик, 2 врача, 1098 унтер-офицеров и рядовых, десятки лиц иных категорий¹⁷.

В то время такие соглашения были обычной практикой, аналогичный договор действовал и между пруссаками и австрийцами (благодаря ему вернулся из плена, куда он попал после проигранной пруссаками битвы при Колине 1757 г., прусский лейтенант К.В. фон Притвиц, написавший потом свои мемуары¹⁸). Однако затем австрийцы отказались от выполнения плана обмена своих пленных на прусских, стремясь как можно сильнее ослабить военные силы своего врага. Такая же судьба ждала и русско-прусская картель, который по инициативе пруссаков фактически перестал действовать к марту 1760 г.¹⁹ Трудно сказать, что именно стало причиной этого решения – возможно, на Фридриха II повлиял эпизод с попаданием в плен его полковника графа И.Л. Гордта. Гордт был шведом, и в 1756 г. в качестве пол-

ковника шведской гвардии принял активное участие в заговоре военных и придворных с целью свержения власти сенаторов и в пользу восстановления сильной королевской власти. Попытка мятежа провалилась, соратники Гордта погибли на эшафоте, сам он успел бежать и в итоге поступил на прусскую службу – шведская королева, вдохновитель роялистского мятежа, была сестрой Фридриха II. Гордт, объезжавший передовые посты своего полка, был схвачен казачьим разъездом и стал самым высокопоставленным прусским пленным, при этом создав серьезную межгосударственную проблему. Вернуть Гордта прусскому королю как обычного пленника, чего требовал Фридрих II, в России не могли. Гордт в Швеции был важным государственным преступником, и его нахождение в русских руках предполагало выдачу опасного преступника шведам. Помимо соответствующих соглашений о выдаче преступников русские и шведы были соратниками по войне против Пруссии. Гордта в таком случае в Стокгольме ждала бы смертная казнь, а Елизавета Петровна, известная противница такой меры наказания, не желала быть виновной ни в одной смерти. Кроме того, сама ситуация была щекотливой – Гордт действовал в пользу короля Адольфа I Фредрика, который теперь был лоялен русской государыне и который, конечно, не хотел бы казни своего сторонника, а сам Гордт мог разоткровенничаться на допросах в Стокгольме об обстоятельствах переворота и тем сильно осложнить жизнь королю и вообще вызвать новые раздоры в шведской элите. Поэтому дипломаты передали королю предложение Елизаветы Петровны отказаться от требования выдачи Гордта, гарантируя, что он останется в России навечно. Король согласился, и русский двор объявил о том, что Гордт не будет ни возвращен прусскому королю, ни выдан шведам, а будет находиться в тюрьме в России. Освободит Гордта только Петр III, сам Гордт затем напишет свои мемуары, отрывок из которых, посвященный русскому плену, будет переведен на русский

язык. Конечно, положение Гордта не было положением прусского пленника, а скорее государственного преступника, поэтому его мемуары мало что могут рассказать о положении пруссаков в русском плену.

Русские генералы и офицеры в то время редко писали мемуары, и об их положении в прусском плену мы практически ничего не знаем, что уж говорить о простых русских солдатах.

Если свой коллективный опыт сражений русские солдаты выразили в дошедших до нас солдатских песнях²⁰, то о прусском плене мы не имели ни слова.

В 2010 г. были изданы, а в 2017 г. переизданы мемуары участника Семилетней войны прапорщика Алексея Климова²¹. Впрочем, прапорщиком он стал куда позже, а во время Семилетней войны он был унтер-офицером, вахмистром Ростовского драгунского полка. Его рота в конце 1758 г. была отправлена в качестве пополнения в Заграничную армию. Подойдя в Померанию уже в 1759 г., Климов и его сослуживцы по беспечности командиров ночью в корчме были захвачены в плен прусскими гусарами и отведены в Кюстрин.

Климов сообщает, что пленных вели пешком всех вместе, и офицеров, и рядовых, вернув им только их мундир. В Кюстрине их рассадили по 20-30 человек в казармах, никуда из дверей не выпуская. Каждый день пруссаки спрашивали пленных, желают ли они служить в прусской армии, «но мало в том успеха находили» (все же, судя по этим словам, кто-то из пленных согласился). Климов и другие пленные надеялись на размен, и даже сокращение пруссаками рациона для пленных наполовину (Климов уверен, что пруссаки сделали это для того, чтобы быстрее убедить пленных согласиться вступить в русскую армию) не повлияло на это их решение.

Климов отмечает, что теперь они получали не более 1 фунта хлеба и штофа воды в день (около 400 граммов хлеба и 1,23 литра, по подсчетам комментаторов публикации)²², следовательно, ранее они полу-

чали 2 фунта хлеба и, возможно, 2 штофа воды в день.

Климов и другие пленные содержались в Кюстрине до сентября 1760 г., когда их, по подсчетам самого мемуариста, в количестве до 5 тысяч человек забрали в прусскую армию, уже не интересуясь их согласием. Их распределили по разным полкам, сам Климов попал в Конную гвардию, причем получив чин младшего вахмистра, тогда как другие его сослуживцы, включая капитана, поручика и других, были определены в полки рядовыми. Климов пишет, что, вероятно, ему помогло в получении унтер-офицерского звания в прусской армии то, что он выучил немецкий язык²³.

Бывших русских пленных в прусской армии отмечают как российские источники (принимавшие бежавших из прусской армии соотечественников), так и иностранные (беглецы добирались и до Гамбурга, где о них узнавали австрийцы)²⁴.

Мемуарист Алексей Климов не пишет, как он служил пруссакам в годы войны, участвовал ли сам в сражениях. Он сразу переходит к окончанию войны и сообщает, что его и других русских пленных в прусских полках, вопреки их надеждам, оставили в Пруссии, так как прусские власти сообщили русским, что эти пленные уже умерли. Климов считает, что русских пленных после войны в прусской службе было 15 тысяч, но на самом деле это слишком завышенная оценка. Но, в любом случае, наличие русских пленных Семилетней войны на прусской службе после ее завершения сомнению не подлежит – Д.А. Сдвижков сообщает, что во второй половине XVIII века в сохранившихся прусских военных документах русские фамилии встречаются достаточно часто²⁵. В 1776 г. Берлин посетил наследник русского престола великий князь Павел Петрович для знакомства со своей невестой Софией Доротеей Вюртембергской, и Фридрих II, по словам Климова, приказал его и его русских однополчан запереть, чтобы они не обратились к великому князю со своими просьбами о возвращении²⁶. Климов в своих ме-

муарах сообщает, что он служил в прусской армии до 1792 г., когда по старости и ранениям не был уволен, после чего и вернулся в Россию.

В Архиве внешней политики Российской империи удалось обнаружить один документ, который тоже освещает жизнь русских пленных в прусском плену, причем как офицеров, так и нижних чинов.

Это письмо пленного секунд-майора Второго Московского пехотного полка Алексея Ржевского российскому посланнику в Варшаве генерал-лейтенанту Федору Матвеевичу Воейкову²⁷.

Интересно, что написал письмо тот самый секунд-майор Алексей Иванович Ржевский, чья записная книжка за 1755-1757 гг. недавно издана в России²⁸. Публикаторы в этом издании не смогли проследить дальнейшую судьбу Ржевского, который перестал писать свои записки, еще находясь в России.

Однако в дореволюционной истории Второго Московского полка (позже – 65-й Московский пехотный полк) находится запись о том, что 10 августа 1760 г., находясь в составе корпуса того самого вернувшегося из плена генерала графа З.Г. Чернышева и следуя обратно в Польшу, полк потерял своего секунд-майора Ржевского. Батальон под его началом находился в боевом охранении, и Ржевский, «будучи ревностным служакой, в весьма темную ночь отправился проверять посты и пропал без вести»²⁹. Потом выяснилось, что он заблудился и наткнулся на прусский разъезд, который и взял его в плен.

И вот, проведя несколько месяцев в плену, Ржевский пишет свое письмо из прусской крепости Бреславль. Письмо датировано 22 декабря, то есть Ржевский использует новый стиль, написано оно по-немецки (вероятно, чтобы его без проблем могли прочитать и одобрить прусские военные), и в деле с копиями реляций Воейкова из Варшавы находится его перевод. По словам Ржевского, ему не разрешали видеть других русских пленников нижних чинов, но он узнал об их положении от греческого право-

славного священника, которому было позволено к ним приходиться. Русские пленные находились в великой бедности, их прежняя одежда истлела, половина из них вообще не имела даже рубах в декабре и проживала в сараях, из-за чего от холода много пленных уже умерло. Ржевский посчитал своим долгом сообщить об этом прусскому военному комиссариату, попросив предоставить пленным одежду, как это делалось для австрийских пленных, но получил ответ, что прусские военные власти ничего не могут дать русским пленным, так как между Россией и Пруссией не заключено относительно содержания пленных никаких соглашений. Однако по личным просьбам Ржевского пруссаки выдали пленным по одной рубахе, за что Ржевский должен был заплатить прусским военным по полрейхсталера за рубаху. Для этого Ржевский должен был занять денег сам, кроме того, он решил также купить пленным верхнюю одежду, что было бы дороже, и бреславльский купец Жан Горкели предложил Ржевскому взять в поручители своего займа русского посланника в Варшаве Воейкова, в таком случае Ржевский получит от купца ту сумму, которую Воейков сочтет необходимой для 212 человек рядовых, 14 унтер-офицеров, находящихся в Глогау, и 5 офицеров, находящихся вместе с Ржевским в Бреславле.

Сам Ржевский приложил к письму копии своей переписки с прусскими военными, чтобы Воейков мог сам оценить бедствия пленных (в приписке к письму Воейков отметил, что этих копий он не получил. Возможно, их не пропустили пруссаки). Если Воейков не сможет прислать ему «верящее» письмо, то Ржевский просил написать об этом командующему русской армии, чтобы он прислал ему такое письмо. Если же Воейков готов написать желаемое письмо, то Ржевский просил передать его варшавскому купцу, который контактирует с бреславльским и который передаст ему эту бумагу. Для себя Ржевский просил указаний, какую именно одежду для пленных заказать, чтобы затем отчитаться в выполнении, когда

ему снова позволят написать Воейкову³⁰. Посланник сообщил, что письмо Ржевского ему передал варшавский банкир барон Риокур. Воейков тут же написал о проблеме командующему Заграничной армией фельдмаршалу А.Б. Бутурлину и просил Риокура срочно написать бреславльскому купцу о том, чтобы тот оказал русским пленным необходимую помощь³¹.

Из Истории Второго Московского полка мы знаем, что для Ржевского все закончилось хорошо, и в наступившем 1761 г. он был отпущен из плена по обмену с пруссаками, вероятно, и став тем самым единственным майором, вернувшимся к своим по результатам русско-прусского картеля по обмену пленными. Можно только предположить, что и для тех собратьев Ржевского по несчастью история закончилась хорошо – о них знал секунд-майор, он знал их численность, и он сообщил бы о них при размене, чтобы солдаты повторили его судьбу.

Оригинал письма Ржевского был недоступен из-за плохой сохранности всего архивного дела с реляциями Воейкова за 1760 г., и мы располагаем только копией перевода. Само письмо показывает нам, что офицеры и рядовые содержались раздельно, в разных городах и разных условиях. Отношение пруссаков к пленным русским офицерам было вполне уважительное и лояльное – они могли вести переписку (хотя и с разрешения прусских военных), располагали деньгами, могли иметь контакты с прусским начальством и местными банкирами и, конечно, не имели нужды в какой-либо одежде, теплых помещениях и продовольствии. В целом в Европе к пленным офицерам как дворянам отношение было уважительное – прусский фенрих (прапорщик, самый младший офицерский чин) К.В. фон Притвиц подробно описывает свой быт в австрийском плену – вместе с другими офицерами ему была оказана медицинская помощь, он получил жилье в дунайском городе Кремс от местного бюргерства, им дали пленным солдат их полка для обслуживания их в качестве ординарцев, ежемесячно им

платили сумму, превосходившую их жалование в прусской армии (в прусской армии Притвиц получал 7 талеров, в австрийском плену, по его словам, «наш трактament» составлял 12 талеров, впрочем, возможно, эту сумму платили им на двоих с его товарищем-офицером, с которым он жил в доме местного ремесленника). По городу пруссаки ходили без ограничений, дав письменное обязательство не покидать город до особых распоряжений, к их услугам были все таверны и прочие увеселительные места³².

Если положение русских офицеров в прусском плену было хотя бы тенью австрийского плена для прусских офицеров, то за их жизни и здоровье можно было не волноваться.

Солдатам и унтер-офицерам было куда хуже. Ржевский ничего не сообщает о нужде нижних чинов в продовольствии, вероятно, нужды в нем пленные не испытывали, и пруссаки выдавали им его регулярно. Это соответствует мемуарам А. Климова, который пишет, что и урезанный наполовину рацион не изменил нежелания русских пленных в Кюстрине служить в прусской армии. При этом следует отметить, что Климов пишет, что все то время они получали только хлеб и воду, но русским солдатам такой скудный рацион был, вероятно, привычен – на это не жалуется в мемуарах и сам Климов, дворянин по рождению, и ничего не говорит в перечислении нужд пленников и секунд-майор Ржевский.

Главной проблемой для пленных солдат было отсутствие одежды. Прежняя форма быстро пришла в негодность – и на гравюре Ходовецкого мы видим цорндорфских пленных в лохмотьях, в которые превратились их мундиры через 2-3 месяца плена. У многих пленных в Глогау, о которых заботился майор Ржевский, одежды уже не было никакой, а это уже был декабрь. Интересен и ответ прусских военных властей, что одежды русским пленным не положено из-за того, что между Россией и Пруссией нет соглашения о содержании пленных – а между Пруссией и Австрией такое соглашение

было, и одежда пленным австрийским солдатам пруссаками предоставлялась, хотя, судя по прусским свидетельствам, не всем.

Например, сообщая о восстании австрийских пленнх в крепости Кюстрин в июне 1762 г., И.В. Архенгольц, сам участник Семилетней войны, писал в своей «Истории Семилетней войны», что восстание подняли хорваты, служившие в отдельных пандурских (подобие егерских) полках австрийской армии. Их в Кюстрине было 800 человек, тогда как пленнх регулярнх австрийских полков было 4100 человек, но они в восстании не участвовали. Хорваты попали в плен за 5 лет до того, в сражении при Праге 1757 г. Как пишет Архенгольц: «Их положение было ужасно. Они лежали друг на друге в своих казематах, в одних отрепьях, даже без соломы»³³, то есть пруссаки одежду им не давали, по крайней мере в нужное время.

Русские же солдаты регулярнх полков, вероятно, находились в таком же положении, как и хорваты. Возможно, вопрос о содержании русских солдат в прусском плену не представлял важности для Петербурга, озабоченного только возвращением пленнх по размену, но все равно это представляется серьезным упущением российской стороны, учитывая, что Елизавета Петровна старалась заботиться о своих подданных в чужих краях.

Имеющиеся в распоряжении историков опубликованные свидетельства показывают нам сложное положение рядовых русских пленнх – солдат и унтер-офицеров, далекое от привычных представлений о «войнах в кружевах» XVIII века. Мы видим и намеренное стремление вызвать голод у пленнх, чтобы добиться их согласия поступить на службу пруссакам и сражаться против своих или против русских союзников, и отсутствие какой-либо централизованно выдаваемой пленным одежды или какого-либо содержания на покупку одежды, кроме того, пленные могли провести в плену и десятилетия после окончания самой войны. Иногда та же судьба могла ждать и младших офицеров, разделявших бедствия своих подчиненных

вне зависимости от своего чина, но в целом в то время положение пленного офицера, в том числе русского, было значительно лучше – ему оказывалось соответствующее уважение, он мог обращаться к прусскому начальству и получать от него ответы, он имел право распоряжения деньгами, мог писать домой и получать из дома письма и деньги, мог совершать торговые сделки и писать письма официальным представителям своей страны в Европе, и имел гораздо больше шансов на быстрое возвращение домой, чем обычные солдаты.

В целом можно отметить, что тема русских пленнх в прусском плену еще ждет своего исследователя.

Приложение.

Копия с письма Второго Московского полка секунд-майора Алексея Ржевского к чрезвычайному посланнику Воейкову из Бреславля от 22 декабря 1760 году

Не имея позволения самому видеться с нашими пленниками, уведомился я от греческого священника, именуемого Прогоймо, которому позволено их посещать, что наши пленные находятся в великой бедности и жалостном состоянии, что ничего на себе не имеют, что большая половина нагих, и притом не имеют ни рубахи для покрытия себя от холодного годового времени, да что и квартира их совсем неудобна к согреванию их, потому что они живут в сараях, и от чего многое число умирает. Чего ради почел я себя за мою должность представить о том военному комиссариату его величества прусского, прося при том о даче им рубах и платья так же, как и австрийцам, но мне ответствовано, что как между нами и его величеством прусским не поставлено о том ни конвенции, ни какого-либо учреждения, то ничего они дать не могут; однако между тем по учиненным мною представлениям дали каждому человеку по одной рубахе, и я обязался платить за рубаху по половине рейхсталера; мне для сей заплаты деньги надлежало занять, также хотел было я занять еще для зделания

пленникам платья, дабы они столь много не претерпевали и не умирали, но на оное ответствовал мне бреславской купец Жан Горкели с товарищи, что естли ваше превосходительство пришлете мне верующее письмо, то не откажет он выдать мне столько денег, сколько ваше превосходительство рассудите за потребно для удовольствования 212 человек рядовых и 14-ти унтер-офицеров, находящихся здесь в Глогау, и еще пяти офицеров, вместе со мною пленных.

Ваше превосходительство из приложенных при сем копии с писем ко мне Военной комиссии его величества короля прусского в Силезии обстоятельнее усмотрите³⁴, в каком жалостном состоянии наши пленники. Я думаю, сии бедные люди заслужили столько, чтоб не оставить их в таком состоянии, от которого из них по несколько ежедневно умирает. Естли ваше превосходительство не можете прислать верующего письма, то прошу отписать к командующему генералу, чтоб он его прислал как скоро возможно.

Естли же ваше превосходительство намерены прислать мне верующее письмо, то извольте оное отдать вручителю сего моего письма варшавскому купцу, которой имеет корреспонденцию с бреславским, и когда ваше превосходительство пришлете мне верующее сие письмо, то прошу вас дать мне ваше повеление, какое надлежит пленным делать платье, дабы я мог вам дать отчет, как скоро получу позволение писать вам.

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 80/1. 1760-1762 гг. Д. 610. Л. 272об. - 274об. Копия.

Публикуется в современной орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. В 3-х тт. М., 1886-1891.

² Познахирев В.В. Управление контингентом прусских военнопленных в России в период Семилетней войны 1756-1763 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 83-97.

³ Сдвижков Д.А. Письма с прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019. С. 13.

⁴ Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. М., 2014. С. 149.

⁵ Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 560.

⁶ Там же. С. 105.

⁷ К истории Семилетней войны. Записки пастора Теге // Русский Архив. 1864. № 11-12. Стлб. 1128.

⁸ Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М., 2001. С. 144; Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 557.

⁹ Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 570.

¹⁰ Там же. С. 108-111.

¹¹ Плен графа Гордта в России // Русский Архив. 1877. Кн. 2. С. 303.

¹² Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 558.

¹³ Там же.

¹⁴ Гравюру Д. Ходовецкого можно увидеть в недавно опубликованных работах: Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. М., 2014. Вклейка илл.; Сдвижков Д.А. Письма с прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М., 2019. Илл. 40.

¹⁵ Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 659-882.

¹⁶ Познахирев В.В. Русско-прусская картель 1759 года «О размене и выкупе обеих сторон военнопленных» как памятник права вооруженных конфликтов // Военно-юридический журнал. 2016. № 10. С. 29-32.

¹⁷ Познахирев В.В. Договоры об обмене пленными (картели) в военной истории России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 2. С. 163.

¹⁸ Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». Jugend und Kriegsleben eines preußischen Offiziers im Siebenjährigen Krieg. Paderborn, 1989.

¹⁹ Познахирев В.В. Договоры об обмене пленными... С. 163. И.В. Архенгольц пишет, что решение отказаться от размена пленными австрийцы и русские приняли совместно (Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М., 2001. С. 261).

²⁰ Исторические песни и баллады / Сост. С.Н. Азбелев. М., 1986. С. 400-416.

²¹ Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века) / Подг. текста, статья и комментарии Е.Д. Кукушкиной. СПб., 2011; Похождение прапорщика Климова: (Мемуары XVIII века) / Подг. текста, статья и комментарии Е.Д. Кукушкиной. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017.

²² Похождение прапорщика Климова... СПб., 2017. С. 42.

- ²³ Там же. С. 42-44.
- ²⁴ Сдвижков Д.А. Письма с прусской войны... С. 106.
- ²⁵ Там же. С. 107.
- ²⁶ Похождение прапорщика Климова... СПб., 2017. С. 73-75.
- ²⁷ Следует отметить, что оригиналы реляций Воейкова, пересылавшего в Петербург письмо Ржевского, не были доступны из-за плохой сохранности архивного дела в фонде «Сношения с Польшей». Однако копии донесений были обнаружены в фонде «Варшавская миссия».
- ²⁸ Заботы и дни секунд-майора Алексея Ржевского. Записная книжка (1755-1759). М., 2019.
- ²⁹ История 65-го пехотного Московского его императорского высочества государя наследника цесаревича полка. 1642-1700-1890 / составил штабс-капитан Я. Смирнов 1-й. Варшава, 1890. С. 149.
- ³⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 80 (Варшавская миссия). Оп. 80/1. 1760-1762 гг. Д. 610. Л. 272об.-274об.
- ³¹ Там же. Л. 272об.
- ³² Prittwitz C.W. von. «Ich bin ein Preuße...». S. 75-77.
- ³³ Архенгольц И.В. История Семилетней войны. М., 2001. С. 414.
- ³⁴ На полях напротив этих слов надпись: «NB Упоминаемых копий в письме не было».

THE RUSSIAN PRISONERS OF WAR DURING SEVEN YEARS' WAR: TO STATEMENT OF A PROBLEM

© 2021 M.Yu. Anisimov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is based on the still rare and scattered data on situation of the Russian prisoners in the Prussian captivity during Seven years' war of 1756-1763. On the basis of the published memoirs and single archival documents the author draws a conclusion on difference in keeping of captured officers and the lower ranks. The situation of the soldiers in captivity was very difficult; they were pressured to go into the Prussian service, they felt the need for clothing and warm rooms, some of the prisoners was forcibly sent to the Prussian army and, contrary to international agreements, remained there even after the end of the war.

Keywords: Seven Years' war, war prisoners.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-2-5-13